

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 2.
ФЕВРАЛЬ.
1899.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание А. Ф. МАРКСА.

нибудь сжалится и придетъ на помощь. А я былъ простакомъ, но больше имъ не буду! (*Уходитъ.*)

Гусынина (*одна, приподнимаясь, смотритъ черезъ плечо*). Ушелъ. Каковъ? Поумнѣлъ. (*Вставая, спокойно*) Пой-

ду выпью кофе, это успокоитъ меня. А вы, Николай Матвѣевичъ, желаете чего-нибудь новенькаго? Придумаю, придумаю! И тогда... хе-хе, сочтемся! (*Идя*) Тра-ля-ля! Тра-ля-ля! (*Уходитъ.*)

Занавѣсъ.

Козу-Курпечъ и Баянъ-Слу.

(Киргизское народное преданіе.)

Е. Баранова.

(Съ 2 рисунками.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Легенда о Баянъ-Слу *) и исторія поэтической любви этой степной красавицы къ герою и жениху ея Козу-Курпечъ — одна изъ наиболѣе любимыхъ и наиболѣе распространенныхъ легендъ между киргизами.

Сложилась она въ степяхъ Семирѣченской области, но затѣмъ распространилась далеко за предѣлы ея, и даже названія нынѣ существующаго города Каркаралы и станицы Баянъ-ауль находятся въ связи со сказаніемъ о красавицѣ Баянъ и ея приключеніяхъ.

Несомнѣнно, что въ основѣ сказанія лежитъ истинное происшествіе, изукрашенное впослѣдствіи народной фантазіей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, какъ историческій документъ, сохранившійся до настоящаго времени, громадный надгробный памятникъ Козу-Курпеча, фотографическій снимокъ съ котораго, сдѣланный г. Толшинымъ въ 1895 г., помѣщенъ на слѣдующей страницѣ.

Если читатель развернетъ карту Семирѣченскаго края, онъ безъ труда найдетъ небольшіе города: Копаль, Лепинскъ и Сергіополь (бывшій Аягузъ). Всѣ эти мѣ-

ста находятся среди обширной долины, между хребтами горъ Алатау и Тарбагатай, образующими такъ — называемыя Джунгарскія ворота, черезъ которыя происходило переселеніе народовъ изъ Средней Азіи. Долина эта замыкается на западѣ озеромъ Балхашъ, мимо котораго, съ сѣвера на югъ, въ настоящее время проходитъ почтовая дорога изъ Сергіополя въ Копаль.

Дорога протекаетъ по мѣстности совершенно безлюдной, и для перемѣны лошадей по тракту устроены почтовые пикеты, носящіе свои названія по урочищамъ.

По пути изъ Сергіополя къ Копалу, на 11-й верстѣ отъ 3-го пикета, называемаго Кизиль-Кія, вниманіе пробѣгающаго невольно привлекаетъ высокій памятникъ, сложенный изъ камня въ видѣ громадной пирамиды.

Высота этой пирамиды болѣе 10 сажень, и построена она изъ плитъ красновато-коричневаго цвѣта, обдѣланныхъ довольно правильными прямоугольниками на подобіе кирпичей. Преданіе указываетъ, что камень для сооруженія этого памятника брали изъ окрестныхъ горъ; и дѣйствительно, подобнаго камня не находится не только по близости, но и во всей долинѣ.

Повидимому, постройка сдѣлана изъ красноватаго гнейса, который легко обдѣлывается въ правильную плитообразную

*) Слово «Слу» въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ — красивый, прекрасный; Баянъ-Слу, слѣдовательно, значить красавица Баянъ.

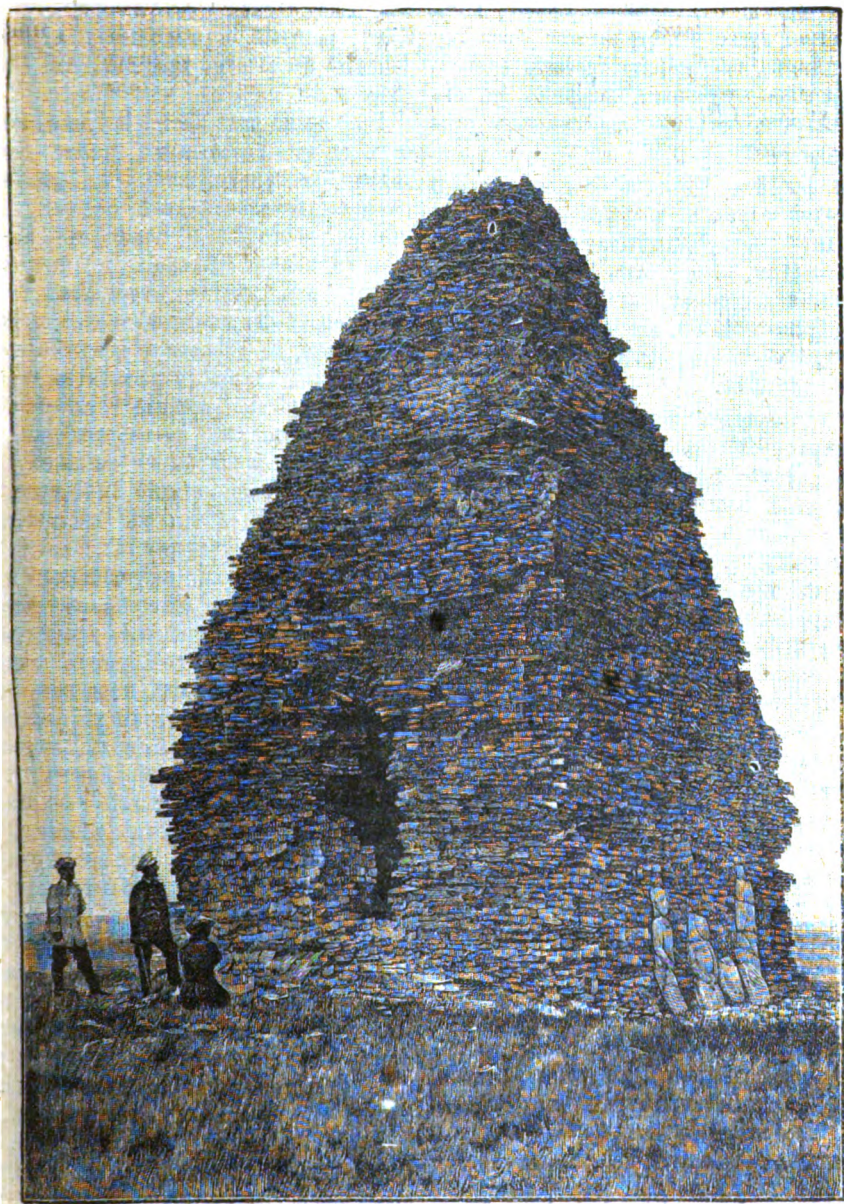

Рис. 1. Надгробный памятник Козу-Курпеча и Баянъ-слу.
Съ фот. И. Толщина грав. Шлиперъ.

форму и находится въ изобиліи въ окрестныхъ горахъ. Отъ времени гнейсы, какъ извѣстно, легко вывѣтривается, поэтому памятникъ, въ ребрахъ своихъ граней, совершенно иззубрился, вершина же его свалилась, и вся пирамида приняла усѣченную форму *).

Могила Козу-Курпеча построена среди открытой долины на возвышенномъ мѣстѣ; по одну сторону ея протекаетъ р. Аягузъ, окаймленная по берегамъ вѣковыми тополевыми деревьями, по другую раскинулась безпредѣльная степь, замыкающаяся синѣющими на дальнемъ горизонтѣ горными хребтами.

Отъ трактовой дороги до подножія памятника пролегаетъ торная тропа, такъ какъ кромѣ проѣзжающихъ, которыхъ влечетъ къ памятнику любопытство, ни одинъ киргизъ не пройдетъ и не пропуть по тракту безъ того, чтобы не свернуть съ дороги и не сдѣлать у могилы хотя кратковременнаго привала. По издавна установившемуся обычаю, каждый киргизъ считаетъ себя обязаннымъ воздать должную почесть могилѣ и поклониться праху покоящагося въ ней героя, принося свою жертву и читая съ колѣнопреклоненіемъ краткую молитву: «Миръ да будетъ надъ нимъ, и благоволеніе Божіе да почтѣтъ на могилѣ его!»

Легенда о Баянѣ-Слу и Козу-Курпечѣ долгое время не обращала на себя ничего вниманія, но въ 1876 году генераль Колпаковский, проѣзжая по копальскому тракту, обратилъ вниманіе на этотъ памятникъ, и, узнавъ о существованіи народнаго преданія, поручилъ собрать о немъ свѣдѣнія сергіопольскому уѣздному начальнику. Уѣздный начальникъ, въ свою очередь, предписалъ о томъ же одному изъ своихъ подчиненныхъ, а тотъ другому и т. д., пока, наконецъ, всѣ матеріалы

не достались бывшему учителю, а впоследствии лѣсному объѣзчику г. Салагаеву, который и выполнилъ данное порученіе, насколько хватило его силъ и умѣнья.

Въ такомъ видѣ преданіе, возвращаясь, такъ сказать, обратнымъ канцелярскимъ ходомъ, поступило вновь въ управленіе уѣзднаго начальника, гдѣ, потерѣвъ различныя поправки и передѣлки, появилось въ концѣ 70 годовъ въ печати въ одномъ изъ мѣстныхъ органовъ. Говорятъ, оно было даже гдѣ-то еще разъ перепечатано, но затѣмъ о немъ совершенно забыли. Такимъ образомъ въ настоящее время эта легенда является для русскихъ читателей почти новостью, особенно, если приять во вниманіе, что, претерпѣвъ канцелярскія поправки, она появилась въ свѣтъ въ некажennomъ и настолько сокращенномъ видѣ, что не только важныя подробности и самая связь событій совершенно устранились, но стало совершенно непонятнымъ, почему личность Козу-Курпеча читается у киргизъ, какъ личность народнаго героя, а могила его до сего времени почитается мѣстной святыней. Въ легендѣ, составленной по матеріаламъ, собраннымъ г. Салагаевымъ, Козу-Курпечъ появляется лишь на короткое время, тайнымъ любовникомъ Баянѣ-Слу, которая прячетъ его отъ мести страшнаго вздыхателя своего Кудара или Кударь-Кула, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Козу-Курпечъ въ представленіи своего народа является непобѣдимымъ батыремъ *), одареннымъ необычайной физической силой, мужествомъ, великодушнымъ сердцемъ и другими нравственными качествами, присущими, въ народномъ представленіи, героической личности. Къ его борьбѣ съ калмыкомъ Кударомъ изъ-за обладанія красавицей Баянѣ присоединяется разсказъ о сраженіи между калмыками и киргизами, изъ котораго Козу-Курпечъ,

*) Говорятъ, что вершина пирамиды сбита выстрѣлами пзъ орудій, во время артиллерійскаго ученія, по приказанію командовавшаго батареи офицера.

*) Богатыремъ.

какъ предводитель киргизъ, выходить побѣдителемъ и посрамляеть врага. По всей телей киргизскихъ ордъ, прославившихся въ войнахъ съ калмыками, и имя его,

Рис. 2. Четыре каменные статуи при могилѣ Козу-Курпеча.
Съ фот. П. Толшина грав. Рашевскій.

вѣроятности Козу-Курпечъ, если онъ существовалъ, былъ однимъ изъ предводителей киргизскихъ ордъ, прославившихся въ войнахъ съ калмыками, и имя его возлюбленной, сохранилось въ народной памяти.

Взявъ на себя задачу исправить и дополнить сказаніе по разнымъ источникамъ, я долженъ замѣтить, что легенда все-таки еще не достаточно полна. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ упоминаются три сестры Баянъ-Слу: Ай, Тансыкъ и Айгызъ, которыя въ разсказываемыхъ событіяхъ никакой роли не играютъ, а между тѣмъ въ честь ихъ сохранились названія нѣкоторыхъ мѣстъ и урочищъ. Поэтому надо полагать, что имена сестеръ Баянъ были также когда-то связаны съ преданіемъ, но въ послѣдствіи, при устной передачѣ его, эта связь утратилась, и сохранились лишь имена главныхъ героевъ и трагическая исторія ихъ любви.

При могилахъ сохранились еще четыре грубохъ каменныхъ статуи, снятыя также г. Толпинымъ. Статуи эти несомнѣнно калмыцкаго издѣлія, такъ какъ киргизы, будучи мусульманами, не имѣли и не имѣютъ обычая дѣлать при могилахъ каменныхъ изваяній; но какъ эти статуи попали къ могилахъ Козу-Курпечя, — объяснить довольно мудрено. Существуетъ мнѣніе, что эти статуи должны изображать собою Баянъ-Слу и ея трехъ сестеръ; сдѣланы же онѣ калмыкомъ Кударъ-Кулу, по это мнѣніе совершенно ни на чемъ не основано и не согласно съ преданіемъ, по которому Кударъ погибъ прежде Баянъ-Слу отъ ея мстительной руки, а потому и не могъ сдѣлать статуи въ честь еще живой своей невѣсты на ея могилѣ. Гораздо правдоподобнѣе, что эти каменные изваянія сдѣланы калмыками въ честь самого Кудара и другихъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ съ киргизами. Это отнюдь не противорѣчило бы преданію, такъ какъ мѣсто борьбы и мѣсто гибели обоихъ героевъ находится тамъ же, гдѣ стоитъ и памятникъ Козу-Курпечя.

Изъ всего сказаннаго мной выше, можно съ достаточной достовѣрностью заключить, что время постройки памятника относится не къ началу XIII вѣка, какъ это неосновательно указано было въ первоначальной редакціи легенды, а къ 1-й по-

ловинѣ XVIII вѣка, т. е. къ тому времени, когда киргизскій народъ, объединившійся ранѣе въ своеобразной федерации, центромъ которой былъ г. Туркестанъ, началъ приходить въ разстройство вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій. Эти междоусобія повели къ раздробленію киргизъ на мелкіе роды, которые подъ управленіемъ мелкихъ князьковъ или султановъ уходили въ глубь степей, гдѣ, встрѣчаясь съ другими народностями и особенно съ калмыками, вступали съ ними въ ожесточенную борьбу.

Къ числу такихъ мелкихъ властителей слѣдуетъ отнести и родителей героя и героини — султановъ Кара-бая и Сары-бая.

I.

Въ давнее время, между горами Тарга-гатай и Алатау и озерами Балхашъ и Ала-куль кочевали два необычайно богатыхъ, знатныхъ и сильныхъ султана: Кара-бай и Сары-бай.

Неразрывная дружба связывала ихъ между собою много лѣтъ; не проходило и дня, чтобы друзья не видѣлись другъ съ другомъ, чтобы одинъ безъ другого поѣхалъ куда-нибудь въ гости, чтобы охота, байга *) или какое-либо празднество устраивалось однимъ безъ участія другого. И радость, и горе дѣлили они пополамъ, а въ бѣдѣ и несчастіи каждый старался помочь другому по мѣрѣ силъ и возможности.

Однажды, весной, оба друга выѣхали на охоту, и, отѣхавъ отъ своихъ ауловъ не далѣе какъ на полдня ѣзды, увидѣли на небольшомъ островѣ неподвижно стоящаго марала **). Подѣхавъ на разстояніе выстрѣла изъ лука, Кара-бай уже приготовился пустить въ звѣря свою стрѣлу, когда Сары-бай, внимательно всмотрѣвшись въ животное, вдругъ остано-

*) Конный бѣгъ на призы.

**) Горный олень.

вилъ своего друга: «не стрѣлай, братъ, пожалуйста, и я тоже не буду: вѣдь это самка марала, и она только-что собирается ягниться. Если мы убьемъ ее, то погубимъ вмѣстѣ и ягненка. Вспомни, что у насъ съ тобой дома остались жены въ послѣднихъ дняхъ беременности и, быть-можетъ, пощадивъ неповинное животное, мы сдѣлаемъ доброе дѣло, а Богъ поможетъ нашимъ женамъ въ минуту родовъ».

Послушался Кара-бай совѣта вѣрнаго друга, и, опустивъ лукъ, закинулъ его за плечо, а стрѣлу положилъ обратно въ колчанъ, и поѣхали друзья дальше въ поискахъ за добычею.

Весь день проѣздили они, по звѣря нигдѣ не нашедъ и къ вечеру остановились на отдыхъ у небольшого ручья. Тутъ, разговаривая о приключеніяхъ этого дня, они вспомнили происшествіе съ мараломъ, и опять Сары-бай сказалъ своему другу: «послушай, другъ, въ этой встрѣчѣ нашей съ мараломъ вижу я указаніе Божіе, и когда хотѣлъ ты стрѣлять, вдругъ почувало мое сердце, что и мнѣ не долго жить, что семья моя скоро осиротѣетъ. Если случится со мной какая бѣда, въ память нашей дружбы, прошу тебя, не оставь мою семью безъ твоей помощи и совѣта».

Кара-бай утѣшалъ, какъ могъ, своего друга, стараясь разсѣять его мрачныя предчувствія; но Сары-бай все время былъ грустенъ и наконецъ предложилъ Кара-баю, въ ознаменованіе долголѣтней дружбы, сдѣлать между собой обѣтъ и скрѣпить его клятвой; обѣтъ этотъ заключался въ томъ, что если жены ихъ разрѣшатся отъ бремени сыновьями, то чтобы сыновья эти жили между собой, какъ родные братья, если родятся дочери, то и дочерямъ быть сестрами, а если у одного родится сынъ, а у другого дочь, то считать ихъ со дня рожденія женихомъ и невестой. Мы же, породнившись такимъ образомъ, прибавилъ Сары-бай, до самой смерти уже не будемъ разлучаться, все добро наше бу-

демъ дѣлить пополамъ, и со смертью одного изъ насъ, другой будетъ считать семью умершаго друга своей собственной семьею.

И поклялись друзья другъ другу въ исполненіи этого обѣта и объявили о немъ всѣмъ слугамъ и гостямъ, бывшимъ съ ними на охотѣ. И вотъ, въ то время какъ они произносили обычную въ этихъ случаяхъ клятву, прилетѣлъ откуда-то сверху черныи скворецъ и опустился на голову Сары-бая, потомъ съ громкимъ щебетаніемъ скворецъ началъ прыгать то на одного, то на другого изъ друзей.

— Этотъ скворецъ предвѣщаетъ намъ радость, — сказалъ Кара-бай: — это посланникъ отъ Бога: Онъ благословитъ нашъ завѣтъ.

— Да, — отвѣчалъ Сары-бай: — но онъ же предвѣщаетъ и несчастье одному изъ насъ, а такъ какъ онъ прежде всего опустился на мою голову, то это несчастье угрожаетъ мнѣ.

Совершивъ обычную вечернюю молитву, друзья сѣли на коней и отправились домой въ сопровожденіи всей свиты гостей, охотниковъ и прислуги. Всѣ ѣхали шагомъ, давая роздыхъ измученнымъ за день лошадямъ, и стало уже довольно замѣтно темнѣть, когда оба друга замѣтили киргиза, скакавшаго имъ прямо навстрѣчу.

Это вѣрно гонецъ отъ которой-нибудь изъ нашихъ женъ, — рѣшили между собой друзья. И дѣйствительно киргизъ приближался, радостно размахивая надъ головой шапкой.

— Давайте чуюнчу*), — закричалъ гонецъ: — возвѣщаю вамъ обоимъ радость, жены ваши только-что благополучно разрѣшились младенцами: у Кара-бая родился сынъ, а у Сары-бая — дочь, — спѣшите домой!

Вихремъ понеслись на своихъ лихихъ

*) Чуюнча — подарокъ, который долженъ получить тотъ, кто первый доставитъ отсутствующему отцу извѣстіе о рожденіи младенца.

бѣгущахъ Кара-бай и Сары-бай, и скоро вся свита осталась позади. Нѣкоторое время друзья пелись рядомъ, но конь Сары-бая былъ лучше и скоро опередилъ другого коня.

— Не спиши!—кричалъ Кара-бай:— Придержи коня, ночь спускается на землю, и я не могу поспѣть за тобой, потому что конь мой усталъ и спотыкается о камни!

Но Сары-бай ничего не слушалъ и все лѣтѣлъ впередъ, ударами плети подгоняя измученнаго коня. Вдругъ конь его, споткнувшись о что-то передними ногами, перевернулся черезъ голову, увлекая въ паденіи своемъ и всадника. Подоспѣвшій Кара-бай соскочилъ съ лошади и бросился на помощь, но, нагнувшись къ Сары-баю, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что другъ его, ударившись головой о камень, лежалъ неподвижно, обливаясь кровью. Напрасно Кара-бай старался привести его въ чувство: Сары-бай былъ мертвъ, — и конь, и всадникъ разбились на-смерть.

Подѣлхавшіе охотники подобрали тѣло, и все тихо двинулись впередъ. Кара-бай ѣхалъ грустный и задумчивый, и жалъ ему было погибшаго друга, и страхъ обуялъ его за будущее.

«Правъ былъ Сары-бай», — думалъ онъ: — «когда говорилъ, что не радость, а несчастье предвѣщалъ намъ скворецъ. Видно объѣтъ нашъ не угоденъ Богу, и смерть Сары-бая служить мнѣ предостереженіемъ».

Когда печальный пѣздъ прибылъ домой, плачь и рыданіе женщинъ огласили аулъ: не радость и праздничное веселье привѣтствовали рожденіе младенцевъ, а общая печаль и неутѣшное горе семьи!

II.

Похоронивъ Сары-бая, Кара-бай, вѣрный данному слову, объявилъ всеѣмъ о своемъ объѣтѣ и, справивъ поминки, устроилъ пышное празднество въ честь рожденія младенцевъ. Празднество это длилось цѣлый мѣсяць.

Мальчика назвали Козу-Курпечъ, а дѣвочку Баянъ. По обычаю пригласили предсказателей гадать о судьбѣ новорожденныхъ, и одинъ изъ гадателей предсказалъ, что судьба новорожденныхъ будетъ несчастна, если они когда-нибудь сочетаются бракомъ. Кара-бай, согласно обѣщанію, принялъ подъ свое покровительство семью умершаго друга, въ которой надзоръ за скотомъ и имуществомъ и все управление дѣлами перешли къ брату умершаго Сары-бая — Апсе-баю.

Но ни самъ Кара-бай, ни жена его, мать Козу-Курпечъ, ни ближайшіе родственники не вѣрили въ благополучный исходъ объѣта и не желали будущаго брака. «Этотъ бракъ будетъ несчастенъ», — говорила жена Кара-бая: — «не хочу я женить сына на дочери Сары-бая, которая, какъ только родилась на свѣтъ, такъ тотчасъ же погубила своего отца». Того же мнѣнія былъ и Кара-бай. «Судьба младенца будетъ несчастна, — думалъ онъ: — съ самаго начала всѣ предзнаменованія были неблагопріятны, а послѣднее предсказаніе предвѣщателя указываетъ на то, что надо по возможности предотвратить этотъ бракъ».

Одинъ только старый Апсе-бай, дядя Баянъ, не раздѣлялъ общаго опасенія и, вѣрный стариннымъ обычаямъ, не хотѣлъ, чтобы Кара-бай измѣнилъ клятвѣ, данной покойному другу.

— Великое несчастье падетъ на голову твою, — уговаривалъ онъ Кара-бая. — Клятвопреступленіе — страшный грѣхъ, и Богъ накажетъ тебя и по винѣ твоей покараетъ и сына твоего.

Въ глубинѣ души Апсе-бай затаилъ намѣреніе содѣйствовать будущему браку и осуществить, если будетъ возможно, клятву, данную друзьямъ.

Мысль измѣнить обѣщанію все болѣе и болѣе овладѣвала Кара-баемъ; но открыто нарушить клятву онъ не могъ рѣшиться, поэтому подъ разными предлогами Кара-бай сталъ отходить со своими стадами все дальше и дальше отъ семьи

Сары-бая и, наконецъ, къ концу слѣдующаго лѣта откочевалъ въ Тарбагатайскія горы; семья же Сары-бая и родъ его, потерявъ изъ вида стараго друга, съ Апсе-баемъ во главѣ, ушла къ сѣверо-востоку, въ глубь киргизскихъ степей.

III.

Еще при жизни своей Сары-бай, кочуя какъ-то въ предгорьяхъ Ала-тау, наткнулся на кибитку бѣднаго калмыка, который, по болѣзни, отсталъ отъ своего рѣда и остался въ горахъ одинъ съ немногочисленнымъ скотомъ и малолѣтнимъ сыномъ. Сары-бай принялъ ихъ подъ свое покровительство, а когда старый калмыкъ умеръ, Сары-бай взялъ мальчика къ себѣ приемышемъ и сталъ держать его какъ члена своей семьи, поручивъ ему наблюденіе за частью хозяйства и многочисленнаго скота.

Мальчика звали Кударъ-Куль; подрастая онъ сталъ выказывать необычайную силу и мужество и, будучи внимательнымъ и бережливымъ хозяиномъ, по-немногу забралъ въ свои руки все управленіе домашними дѣлами и хозяйствомъ. Мать Баянъ, видя его усердіе и послушаніе, сильно привязалась къ приемышу и, потерявъ надежду выдать дочь замужъ за Козу-Курпеча, предназначила ее въ жены Кударъ-Кулу, чтобы Кударъ такимъ образомъ, женившись на Баянъ, по достиженіи ею совершеннолѣтія, сдѣлался полною членомъ семьи и преемникомъ покойнаго Сары-бая, у котораго кромѣ Баянъ были еще три дочери: Ай, Тансыкъ и Айгырь, мужского же потомства не было вовсе.

Прошло пятнадцать лѣтъ со дня смерти Сары-бая и рожденія Баянъ, когда умерла наконецъ и мать ея. Апсе-бай къ этому времени сильно состарился и одряхлѣлъ, и вся власть окончательно перешла въ руки Кударъ-Кула, который своей бережливостью и заботливостью не только не разстроилъ состоянія Сары-бая, а приумножилъ его такъ, что семья его сдѣлалась самая богатая по всей окрестности.

Баянъ же, подрастая и развиваясь, превратилась въ молодую дѣвушку чудной красоты, прозваніе «Слу» стало неразрывно соединяться съ ея именемъ, и слава о красотѣ ея стала распространяться по всей степи. Мѣсто, гдѣ кочевала семья Сары-бая, получило въ честь красавицы названіе Баянъ-ауль *) и стало любимымъ мѣстомъ собраній всей молодежи. Женщины, прельщаемые красотой и богатствомъ невѣсты, стекались въ Баянъ-ауль со всѣхъ сторонъ съ предложеніями и богатыми подарками, такъ что ревнивый Кударъ, изъ боязни потерять невѣсту, рѣшился сняться съ мѣста и со всѣми родичами Сары-бая откочевать къ мѣсту родины своей, къ горамъ Ала-тау. Болѣе всего опасаясь Кударъ-Куль появленія жениха Козу-Курпеча, о которомъ ему было извѣстно по разсказамъ, тѣмъ болѣе, что можно было ожидать ему во всякое время содѣйствія со стороны стараго Апсе-бая, оставшагося старшимъ въ родѣ.

Апсе-бай уже давно успѣлъ передать Баянъ о клятвѣ, данной Кара-баемъ ея умершему отцу, и увѣщавалъ ее не разъ не измѣнять завѣту родительскому и не выходить замужъ за Кудара, но до конца надѣяться и ждать жениха, который рано или поздно долженъ явиться.

Старикъ неоднократно обращался къ ворожеямъ и предсказателямъ и отъ всѣхъ получалъ отвѣтъ, что ждать осталось не долго, что женихъ явится, когда вырастетъ у него золотая коса; по этой косѣ и слѣдуетъ признать его. О предсказаніяхъ и примѣтъ жениха Апсе-бай также передавалъ Баянъ, и красавица тѣмъ охотнѣе дала слово дядѣ ожидать прибытія Козу-Курпеча и отказать Кудару, что грубый, неуклюжій и огромнаго роста калмыкъ былъ ей ненавистенъ и очень надоедалъ ей своимъ ухаживаньемъ и любезностями.

Когда Кударъ-Куль двинулся со всѣми

*) На этомъ мѣстѣ въ настоящее время существуетъ станица Баянъ-аульская.

аулами и многочисленными стадами, Апсебай послѣдовалъ за ними и чтобы впоследствии не потерять дорогу и сообщать о ней Козу-Курпечу, если судьба приведетъ когда-нибудь увидѣть его, онъ ставилъ по дорогамъ и урочищамъ примѣты, уговаривая дѣлать то же и Баянъ-Слу. На одной изъ горъ Баянъ бросила свой золотой гребень, и гора эта съ того времени и до настоящихъ дней сохранила названіе «Алтунъ-Тара» (золотой гребень); въ другомъ мѣстѣ она выкинула перо, которое носила въ волосахъ, называемое по-киргизски «карь-кара», и урочище это получило названіе «Каркаралы» *).

По прибытіи на новое мѣсто, три сестры Баянъ-Слу вскорѣ умерли, и она одна наслѣдовала все несмѣтное богатство отца.

Кударь-Куль, отстранивъ совѣтъ отъ дѣла стараго Апсе-бая, неотступно сталъ преслѣдовать Баянъ своими предложеніями выйти за него поскорѣй замужъ. Чтобы отдѣлаться отъ назойливаго жениха и оттянуть время брака до пріѣзда страстно ожидаемаго Козу-Курпеча, Баянъ-Слу, не имѣя силы противиться открыто желанію Кудара, пустилась на хитрости. Она обѣщала выйти за него замужъ, но только послѣ того, какъ онъ исполнитъ три дѣла, которыя она ему поручить.

Кударь согласился, и Баянъ-Слу поручила ему заняться исчисленіемъ всего многочисленнаго скота своего; когда эти работы были выполнены, она велѣла ему во всѣхъ мѣстахъ безводной степи выкопать глубокіе колодцы, чтобы пасущійся скотъ могъ имѣть вездѣ достаточно воды. Послѣдняя же, самая трудная работа заключалась въ томъ, чтобы Кударь отыскалъ низменное мѣсто около могилы сестры Тансыкъ, снарядилъ большой вычный обозъ съ большими кожаными мѣхами, и возилъ бы воду изъ р. Аягузъ

*) Въ настоящее время здѣсь существуетъ городокъ Каркаралы, въ уѣздѣ того же имени.

до тѣхъ поръ, пока не получится искусственное озеро, а берега этого озера Баянъ приказала обложить солью, необходимой для скота.

Несмотря на непреодолимые трудности Кударь-Куль рѣшился выполнить и эту послѣднюю работу: день и ночь непрерывно продолжалась работа, безконечный обозъ верблюдовъ въ теченіе дѣлаго года двигался отъ уроч. Тансыкъ до р. Аягуза и обратно, и наконецъ искусственное озеро было готово и въ такомъ видѣ, подъ именемъ озера Тансыкъ, существуетъ и до настоящаго времени. Баянъ-Слу, не имѣя болѣе предлоговъ отказывать Кудару, вынуждена была, наконецъ, назначить день свадьбы, которая должна была состояться не позже слѣдующаго мѣсяца.

IV.

Кара-бай, отдѣлившись отъ семьи Сары-бая, прожилъ тоже не долго. Года черезъ три онъ умеръ, настрого наказавъ передъ смертью престарѣлой матери своей и женѣ, матери Козу-Курпеча, ничего не говорить мальчику о невѣстѣ его, Баянѣ, изъ опасенія, чтобы бракъ этотъ не состоялся и не повлекъ за собой предсказанныхъ несчастій.

Козу-Курпечъ быстро подрасталъ и годамъ къ семи выглядѣлъ уже подросткомъ, выказывая необычайную силу. Часто въ играхъ со сверстниками и подростками онъ по неосторожности наносилъ тяжкія увѣчья товарищамъ, а въ борьбѣ со взрослыми не только всегда оказывался побѣдителемъ, но, въ горячности, не разсчитавъ силу удара, убивалъ на-смерть своихъ противниковъ. Этими случаями Козу-Курпечъ причинялъ не малое горе своей матери, а въ особенности бабушкѣ, которая по смерти Кара-бая осталась старшимъ и почетнымъ лицомъ въ родѣ.

Однажды бабушка эта сидѣла у дверей своей юрты и пряла баранью шерсть, а Козу-Курпечъ, которому было уже 15 лѣтъ,

игралъ съ товарищами въ асыки (бабки) тутъ же неподалеку. Старуха была не въ духѣ и съ утра сердилась на внука, а Козу-Курпечъ, желая еще больше досадить ей, сталъ бросать свои бабки такъ, чтобы онѣ попадали къ ней въ пряжу и мѣшали ей работать. Одинъ разъ, изловчившись, Козу-Курпечъ бросилъ свой асыкъ такъ мѣтко, что онъ попалъ прямо въ натянутую на веретено пряжу и разорвалъ ее. Не помня себя отъ гнѣва, старуха вскочила съ мѣста и разразилась бранью и упреками.

— Вотъ, какой ты большой болванъ выросъ,—вскричала она: — не лучше ли, вмѣсто того, чтобы забавляться дѣтскими играми, тебѣ сѣсть на коня и разыскать свою невѣсту!

— Какую невѣсту?—спросилъ Козу-Курпечъ.

— Да твою невѣсту...—Но тутъ, спохватившись, старуха попыталась обратить все въ шутку. Однако Козу-Курпечъ такъ настоятельно сталъ ее допрашивать, что она была не въ состояніи отговориться и сказала наконецъ:

— Ступай къ матери, мать все знаетъ и все тебѣ скажетъ.

Мать съ перваго же раза сообразила, что бабушка не выдержала и нарушила слово, данное Кара-баю. Поэтому она всѣми силами пыталась убѣдить сына, что все это шутка, и кто невѣста и гдѣ она живетъ, — сказать не хотѣла. Тогда Козу-Курпечъ, притворившись, что повѣрилъ словамъ матери, попросилъ ее приготовить себѣ свое любимое кушанье—«курмачъ»^{*)}. Мать обрадовалась и, приготовивъ курмачъ, подала его сыну на блюдѣ. Козу-Курпечъ, улучивъ удобную минуту, быстро всунулъ матери горячей пшеницы въ руку и крѣпко зажалъ ее своей рукой. Отъ сильной боли мать заплакала, а Козу-Курпечъ сталъ допытываться: кто невѣста и гдѣ она.

^{*)} Пшеница, прожаренная въ бараньемъ салѣ.

Не будучи въ состояніи больше выносить боль, мать отвѣтила наконецъ:

— Невѣста Баянъ — дочь Кара-бая; отпусти меня, я все скажу тебѣ.

Освободивъ руку матери, Козу-Курпечъ, выслушавъ подробный рассказъ ея объ обѣтѣ Кара-бая и Сары-бая; но больше мать ничего не знала. Слава о красотѣ и богатствѣ Баянъ разнеслась повсюду, но съ откочевкой Кудара изъ Баянъ-аула слѣдъ затерялся, и гдѣ и какъ найти невѣсту, — мать не могла разъяснить Козу-Курпечу.

Козу-Курпечъ рѣшился ѣхать въ Баянъ-аулъ и тамъ, наведя справки, двинуться въ дальнѣйшіе поиски по слѣдамъ Кударъ-Кула.

— Не ѣзди, сынъ мой,—умоляла мать: — отецъ твой завѣщалъ передъ смертью отказать отъ невѣсты, потому что бракъ этотъ принесетъ тебѣ несчастье.

— Если отецъ измѣнилъ своему слову, я долженъ исправить его грѣхъ и выполнить его клятву,—отвѣчалъ Козу-Курпечъ.

— Но невѣста уже просватана за богатыря Кударъ-Кула, который убьетъ тебя.

— Я буду биться съ нимъ на-смерть, и если мнѣ суждено взять въ жены Баянъ, я одолѣю, а если нѣтъ, то только смерть заставитъ меня отказаться отъ невѣсты.

— Но вѣдь невѣста далеко и гдѣ—никто не знаетъ; путь предстоитъ долгій; дикіе звѣри и злые люди подстерегутъ и погубятъ тебя въ дорогѣ.

— Не боюсь я ни звѣрей дикихъ, ни злыхъ людей, сумѣю защититься отъ нихъ.

— На пути туда лежатъ озера глубокія, рѣки быстрыя, горы высокія, лѣса дремучіе. Гдѣ тебѣ преодолѣть всѣ трудности? Ты одинъ, молодъ и неопытенъ.

— Я возьму себѣ такого коня, который переплыветъ озера и рѣки, перей-

детъ и горы высокія, а въ лѣсу я самъ проложу себѣ дорогу, и хоть годъ буду прорубать себѣ путь, а назадъ не вернусь.

Видя, что никакія увѣщанія не помогаютъ и ничто не можетъ помѣшать рѣшенію сына ѣхать въ дальній путь, мать со слезами простилась съ нимъ.

Выбравъ себѣ лучшаго коня изъ многочисленныхъ табуновъ своихъ, вооружившись лукомъ и стрѣлами, нейзой и клычомъ *), выѣхалъ на другой же день Козу-Курпечъ на поиски за невѣстой.

А мать, все еще не теряя надежды водворить сына съ дороги, посовѣтовалась со старой бабушкой, и обѣ рѣшили обратиться къ одной колдуньѣ за помощью. Колдунья, принявъ богатые дары, обѣщала воспрепятствовать Козу-Курпечу дальнѣйшій путь и немедленно пустилась за нимъ.

Опередивъ Козу-Курпечу, обернулась колдунья дикой верблюдицей и бросилась ему навстрѣчу съ яростнымъ ревомъ.

Но не сробѣлъ Козу-Курпечъ, выхвативъ клычъ изъ ноженъ, бросился онъ на разъяренную верблудицу; не выдержала верблудица, повернула назадъ и пропала изъ глазъ.

Поѣхалъ Козу-Курпечъ дальше и вдругъ видитъ, что бурная и глубокая рѣка преградила ему путь, съ шумомъ и ревомъ несутся волны, бѣлая пѣна кипитъ, какъ въ котлѣ.

Не сталъ и броду искать Козу-Курпечъ, а бросился прямо въ кипящія волны на лихомъ конѣ своемъ. Но только что конь успѣлъ вскочить въ воду передними ногами, какъ рѣка исчезла и опять открылась гладкая дорога.

Летѣть дальше Козу-Курпечъ, а день уже началъ склоняться къ вечеру, и вотъ что-то засинѣло вдаль—не то горы, не то лѣсъ раскинулся поперекъ дороги. Наступила почти ночь, когда подѣхалъ онъ ближе и видитъ, что это лѣсъ, да такой

густой, что не только верхомъ, а и пѣшкомъ черезъ него не пробраться, и такъ далеко раскинулся лѣсъ, что конца-краю ему не видно и объѣхать негдѣ.

Остановился Козу-Курпечъ, подумалъ, какъ быть, да недолго раздумывать, выхватилъ клычъ и сталъ лѣсъ рубить, «буду,—думаетъ:—хоть годъ рубить, а все-таки назадъ не поѣду». И только ударилъ онъ по первому дереву, повалилось дерево со стономъ, и лѣсъ разомъ пропалъ изъ глазъ.

И горами, и озерами оборачивалась колдунья; но видить, что ничто не можетъ остановить Козу-Курпечу, и рѣшилась она на послѣднее средство, отвлечь его отъ дороги богатой добычей, сбить его съ пути такъ, чтобы онъ заблудился и, не найдя дороги, повернуть назадъ.

Обернулась она золотой лисицей и выбѣжала Козу-Курпечу на встрѣчу. Только завидѣлъ онъ добычу, схватилъ лукъ и погнался за ней, думая подбѣжать и пустить въ лисицу стрѣлу; но лисица въ тотъ мигъ, какъ онъ готовился выстрѣлить, спряталась въ нору.

Козу-Курпечъ слѣзъ съ коня и стрѣлой сталъ шарить въ норѣ; нора оказалась глубока, стрѣла не достала лисицы, но когда онъ вынулъ стрѣлу изъ норы, то съ удивленіемъ увидѣлъ, что она вся озолотилась. Тогда Козу-Курпечъ попробовалъ опустить въ нору нагайку, и нагайка тотчасъ же превратилась въ золотую. Тутъ Козу-Курпечъ сталъ совать въ нору все, что было у него съ собой, и скоро весь сѣдельный приборъ, оружіе, стремяна, лукъ и стрѣлы—все озолотилось. Козу-Курпечъ наконецъ, не найдя больше ничего, что можно было бы еще вызолотить, легъ на землю лицомъ вверхъ и опустилъ въ нору свою косу *), а когда вытащилъ ее, то и коса тоже стала золотая.

*) Пикой и саблей.

*) Въ киргизскихъ семьяхъ мальчишъ-первенцевъ или любимцевъ родителей носить на затылкѣ небольшую косу.

— Ну, довольно,—сказалъ Козу-Курпечъ, сѣлъ на коня и отправился въ дальнѣйшій путь, но только тронулся онъ съ мѣста, какъ лисица опять выбѣжала изъ норы. Не сталъ Козу-Курпечъ за ней гоняться, много и безъ того потерялъ времени, и поѣхалъ онъ дальше, даже не оглядываясь на лисицу.

Долго ѣхалъ Козу-Курпечъ и наконецъ прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ когда-то аулъ. Баянъ-Слу. Ничего не осталось отъ прежняго аула, только сорной травой заросли мѣста, гдѣ стояли когда-то многочисленные юрты.

Сѣвъ Козу-Курпечъ съ коня, привязалъ его къ кусту на выстойку и рѣшилъ сдѣлать здѣсь привалъ, отдохнуть, переночевать, а на завтра осмотрѣть сѣбѣ и ѣхать дальше.

Насбиралъ онъ сухого конскаго помета, развелъ огонь и сталъ жарить мясо убитой сайги, какъ вдругъ видитъ: идетъ къ нему старикъ, одѣженка на немъ худая, вся въ лохмотьяхъ, ноги босы и изранены о камни, самъ онъ еле живой идетъ и на палку опирается—видно, что человѣкъ хворый. Подошелъ къ огню, поздоровался, обмѣнялись по обычаю взаимными привѣтствіями, и сталъ Козу-Курпечъ разспрашивать старика:

— Откуда, бабай (дѣдушка), идешь, какъ зовутъ тебя и какъ ты очутился одинокій здѣсь въ этомъ пустынномъ мѣстѣ?

— Зовутъ меня Апсе-бай, — отвѣтилъ старикъ: —иду я издалека отыскать сына Кара-бая Козу-Курпеча и объявить ему о невѣстѣ его красавицы Баянъ, которая со дня на день ждетъ его и не знаетъ, какъ избавиться отъ ненавистнаго жениха, калмыка Кударъ-Кула.

И рассказалъ тутъ старый Апсе-бай все по порядку, начиная съ того дня, когда умеръ Сары-бай, и кончая тѣмъ, когда злодѣй Кударъ забралъ все въ свои руки и, опасаясь появленія Козу-Курпеча, откочевалъ далеко, а его, стараго, подъ

конецъ выгналъ изъ дому, не давъ даже худенькой лошаденки.

— Много дней уже иду я, — говорилъ старикъ: —и немочи одолѣли меня, и силы моихъ больше нѣтъ, придется вѣрно умереть мнѣ здѣсь, не исполнивъ обѣта, даннаго моимъ братомъ другу своему Кара-баю.

Обрадовался тутъ Козу-Курпечъ и открылъ старику свое имя, но не сразу повѣрилъ Апсе-бай, покачалъ онъ недоувѣрчиво головой и говорить:

— А покажи-ка мнѣ свою косу.

Снялъ Козу-Курпечъ шапку, и какъ увидалъ Апсе-бай золотую косу, обнялъ его и заплакалъ отъ радости.

Утромъ чуть-свѣтъ поднялся Козу-Курпечъ, но Апсе-бай уже не вставалъ: болѣзнь свалила старика. Кое-какъ собравшись съ силами, рассказалъ онъ про дорогу, какія примѣты поставлены на пути, черезъ какія мѣста надо ѣхать, все повторилъ по нѣскольку разъ, чтобы Козу-Курпечъ лучше запомнилъ, и потомъ окончательно впалъ въ безпамятство.

Какъ ни спѣшили Козу-Курпечъ въ путь, но не рѣшился оставить одного больного старика; впрочемъ, недолго пришлось ему ждать, къ вечеру того же дня скончался Апсе-бай.

Похоронивъ его, Козу-Курпечъ поѣхалъ дальше; теперь онъ ѣхалъ уже по вѣрной дорогѣ, разыскалъ всѣ примѣты по пути и, слѣдуя отъ одного урочища до другого, вскорѣ завидѣлъ вдали множество юртъ и многочисленныя стада. Это и было мѣсто стоянки Баянъ и Кударъ-Кула.

Не дожидая до аула, Козу-Курпечъ сѣлъ съ коня, раздѣлалъ его и пустилъ на волю; все свое вооруженіе и хорошую одежду сложилъ въ потайное мѣсто, а самъ, переодѣвшись въ худенькій халатъ и рваную шапку, отправился пѣшкомъ въ аулъ заниматься въ табунщики. Прибылъ онъ на мѣсто какъ разъ въ тотъ день, когда Кударъ-Кулъ, окончивъ послѣднюю работу, заставилъ, наконецъ, Баянъ-Слу дать согласіе на бракъ и назначить день свадьбы.

V.

Нового табунщика приняли охотно, и Козу-Курпечъ поступилъ въ услуженіе къ Баянъ-Слу подь именемъ Котуръ-Тази. Она поручила ему пасти своихъ любимыхъ козъ, которыхъ каждое утро сама навѣщала и доила.

Въ первый же разъ, какъ увидѣлъ Козу-Курпечъ свою невѣсту, дрогнуло его сердце, цѣлый день ходилъ онъ самъ не свой,—до того поразила его красота Баянъ-Слу; хотя и много слышалъ онъ о красотѣ ея, но такой красавицы и во снѣ ему никогда не снилось.

Нѣсколько дней уже прожилъ Козу-Курпечъ въ аулѣ своей невѣсты, а все не могъ ей открыться, все ждалъ подходящаго случая, а случая этого не представлялось.

Однажды Кударъ-Кулъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ горы къ своимъ калмыкамъ, а Баянъ-Слу, оставшись одна, вздумала послушать пѣсенъ. Приближенные указали ей на новаго табунщика Котуръ-Тази, какъ на большого мастера играть на домбрѣ *) и пѣть пѣсни.

Послали за нимъ.

Явился Козу-Курпечъ, сѣлъ у порога юрты своей повелительницы, настроилъ домбру и запѣлъ. Много пѣсенъ перепѣлъ онъ, а подь конецъ запѣлъ о красавицѣ, которой въ свѣтѣ нѣтъ краше, и какъ эта красавица ждетъ—поджидаетъ жениха; словомъ, пропѣлъ ей всю свою и ея исторію и подь конецъ такъ закончилъ свою пѣсню: «скоро, скоро объявится женихъ, близко онъ, да не знаетъ, приметъ ли его первая по красотѣ и богатству во всей степи дѣвушка».

Поняла Баянъ, что про нее сложена эта пѣсня и что не спроста пѣвещъ спѣлъ ее, долго и пристально поглядѣла она на него, но гдѣ же было признать въ бѣдномъ табунщикѣ жениха? «Вѣрно гонецъ, посланный отъ

него»,—подумала она, и улучивъ время, успѣла шепнуть ему: «Скажи, что давно жду его и приму, какъ слѣдуетъ—только пусть спѣшитъ».

Съ тѣхъ поръ часто стала ходить Баянъ къ своему любимому стаду и подолгу засиживаться тамъ и разспрашивать табунщика про желаннаго жениха. Все рассказалъ ей Козу-Курпечъ, только имени своего открытъ не рѣшился, а замѣтилъ, что должно-быть понравился самъ красавицѣ, потому что когда онъ, осмѣлившись, сталъ заигрывать и шутить съ ней, она не обижалась на его шутки, весело смѣялась и глядѣла на него ласково своими чудными глазами.

Случилось какъ-то вскорѣ, что любимая коза Баянъ-Слу соскочила неловко съ обрыва и сломала себѣ ногу. Услышавъ про то, Баянъ сама поспѣшила къ стаду и стала упрекать табунщика. Не стерпѣвъ, наконецъ, Козу-Курпечъ, схватилъ красавицу въ свои объятія и началъ ее цѣловать. Осердилась Баянъ, вырвалась изъ рукъ табунщика и ударила его по головѣ; отъ этого удара упала шапка съ головы Козу-Курпеча, и вдругъ увидѣла дѣвушка, какъ блеснула у него на затылкѣ золотая коса. Вспомнила она о примѣтѣ жениха и признала его; признался тогда во всемъ и Козу-Курпечъ.

Весь этотъ день провели они вмѣстѣ, обдумывая и соображая, какъ лучше устроить дѣло и объявить о свадьбѣ, и рѣшили пока все держать въ тайнѣ, до откочевки на новое мѣсто; только не согласилась Баянъ-Слу оставить жениха въ табунщикахъ и взяла его къ себѣ въ личную прислугу, велѣла одѣться въ хорошее платье и находится при ней безотлучно.

Спустя нѣсколько дней возвратился Кударъ-Кулъ изъ поѣздки. Крѣпко не понравилось ему, что Баянъ выбрала себѣ въ прислужники новаго табунщика; не узналъ онъ прежняго Котуръ-Тази въ красномъ и статномъ джигитѣ.

*) Домбра—двуструнная базалайка.

Съ тѣхъ поръ Кударь, не смѣя открыто противиться желаніямъ Баянъ-Слу и распоряжаться вопреки ея волѣ, сталъ искать предлога обвинить въ чемъ-нибудь Козу-Курпечу и прогнать его, какъ чело-вѣка неблагонадежнаго; однако, Козу-Курпечъ держалъ себя такъ осторожно, что никакого повода къ обвиненіямъ не по-давалъ.

Вскорѣ аулъ Баянъ-Слу перекочевалъ на новое мѣсто. По приходѣ туда, какъ обыкновенно, поставили юрты и стали горо-дить загоны для мелкаго скота, чтобы загонять его на ночь. Когда понадобилось забивать колья для загоновъ, оказалось, что Кударь-Куль забылъ на прежнемъ мѣстѣ свой молотъ, а была эта коло-гущка такъ тяжела, что десять чело-вѣкъ не могли ее сдвинуть съ мѣста.

Вздумалось Кудару сыграть съ Козу-Курпечемъ злую шутку, послать его за этимъ молотомъ, и когда онъ, не будучи въ состояніи его принести, явится съ пу-стыми руками, обвинить его въ лѣни и верадѣніи, отколотить и прогнать изъ аула.

Придя по порученію Кудара на старое мѣсто, Козу-Курпечъ нашелъ молотъ, надѣлъ ремнемъ, который былъ у ру-коятки, себѣ на палецъ и пошелъ обрат-но, помахивая молотомъ какъ палочкой; вдругъ ремень оборвался и молотъ от-летѣлъ въ сторону, да такъ далеко, что упалъ прямо на середину озера Ала-куль.

Пришлось Козу-Курпечу вернуться въ аулъ съ пустыми руками.

Разсвирѣпѣлъ тогда Кударь-Куль:

— Ахъ ты лѣнивая собака, несчаст-ный байгушъ *), — закричалъ онъ: — тебѣ и баранъ-то пасти нельзя довѣрить, а не только въ прислужникахъ быть, уби-райся вонъ отсюда, откуда пришелъ, и чтобы ноги твоей не было въ аулѣ! — и бросился на Козу-Курпечу съ кулаками.

*) Бѣднякъ, нищій.

Не могъ стерпѣть Козу-Курпечъ такой обиды, гнѣвомъ загорѣлись его очи.

— Какъ ты смѣешь называть меня нищимъ, калмыцкое безыменное отродье, приемышь киргизскій! — вскричалъ онъ въ отвѣтъ. — Я — Козу-Курпечъ, сынъ знатна-го Кара-бая, а Баянъ-Слу — моя невѣста! — и, схвативъ Кудара за опояску поперекъ тѣла, Козу-Курпечъ поднялъ его вверхъ и бросилъ на землю.

Чуть не на-смерть хлеснулся Кударь-Куль о землю и долгое время лежалъ безъ памяти, а когда пришелъ въ себя, то весь народъ уже собрался около Козу-Курпечу и Баянъ-Слу и поздравлялъ же-ниха съ невѣстой.

Понялъ Кударь, что пришелъ конецъ всѣмъ его надеждамъ и что ему ничего не остается больше, какъ собираться и ѣхать навсегда изъ аула Баянъ въ горы къ своимъ калмыкамъ.

— Ну помни, — сказалъ Кударь на прощанье Баянъ-Слу. — Такъ-то ты от-благодарила меня за всѣ мои заботы о тебѣ и твоемъ добрѣ, такъ-то рассчита-лась со мной за мои труды и работы, которыя изъ хитрости заставляла дѣлать меня, чтобы оттянуть время. Не одинъ теперь я приѣду къ тебѣ, а подниму на весь вашъ родъ цѣлую волость калмы-ковъ, погубяю твоего мальчишку-жениха, а тебя силой возьму въ жены.

Уѣхалъ Кударь-Куль въ горы, возму-тилъ калмыковъ и пошелъ войной на Козу-Курпечу. А Козу-Курпечъ, разыскавъ своего коня и оружіе, собралъ со всѣхъ ауловъ джигитовъ, вооружилъ ихъ и при-готовился къ защитѣ.

Не долго пришлось ожидать возвра-щенія Кудара: съ несмѣтной силой по-явился онъ передъ аулами, разбѣжая самъ впереди на своемъ богатырскомъ конѣ Кара-бакъ.

Выѣхалъ навстрѣчу ему и Козу-Кур-печъ, двѣсти отборныхъ джигитовъ окру-жали его, ожидая знава къ бою. Самъ Козу-Курпечъ былъ на рыжемъ конѣ, которому и цѣны не было, все оружіе

его блестяло золотомъ, въ рукахъ было золотое коньѣ съ желтымъ знаменемъ.

Съ дикимъ крикомъ бросились калмыки на киргизовъ, но не сробѣли джигиты и по знаку Козу-Курпеча, какъ соколы, полетѣли навстрѣчу врагамъ. Впереди всѣхъ мчался вихремъ Козу-Курпечъ, направляясь въ середину непріятеля, гдѣ заидѣлъ онъ врага своего Кудара. Не выдержалъ Кударъ и, опасаясь схватки одинъ на одинъ съ Козу-Курпечемъ, замѣшался въ толпѣ своихъ калмыковъ. Какъ трава подъ косой стали валиться калмыки, поражаемые направо и налѣво мѣткими ударами Козу-Курпеча.

Не устояли калмыки противъ дружнаго натиска и скоро повернули назадъ, спасаясь вразсыпную отъ преслѣдовавшихъ уже данхъ джигитовъ, а Козу-Курпечъ вно опередилъ всѣхъ и все лѣтъ впередъ, настигая убѣгающаго вдали Кударъ-Кула.

Вотъ уже близко врагъ, видитъ Кударъ, что не уйти ему отъ Козу-Курпеча, оглянулся онъ кругомъ — нѣкого своихъ нѣтъ, не миновать, значитъ, схватки одинъ на одинъ. Обернулъ онъ назадъ своего Кара-бака, и грудь съ грудью сшиблись и кони и всадники.

Истомился Козу-Курпечъ предыдущей битвой съ многочисленными врагами, а Кударъ схватилъ его своими огромными руками и силится повалить съ коня. Долго боролись два богатыря, то Кударъ-Кулъ одолеваетъ Козу-Курпеча, то Козу-Курпечъ беретъ верхъ. Наконецъ изловчился Козу-Курпечъ, освободилъ онъ правую руку и со всего размаха ударилъ врага кулакомъ по головѣ. Помутилось въ глазахъ у Кударъ-Кула отъ этого удара и, какъ подкошенный, рухнулъ онъ съ коня на землю, а Козу-Курпечъ уже спѣшился и придавилъ колющимъ грудъ врага, связавъ его арканомъ.

Взмолился Кударъ и сталъ просить пощады, но не смилосердился Козу-Курпечъ, распахнулось гнѣвомъ его сердце. Привя-

залъ онъ врага за ноги къ своему стремени и поволочилъ по землѣ. До самаго вечера таскалъ онъ Кудара, и сталъ наконецъ Кударъ просить отпустить его, обѣщая отказаться отъ всякихъ притязаній на Баянъ-Слу и давая клятву не имѣть зла противъ Козу-Курпеча и ничего не предпринимать противъ него.

Смилостивился тогда Козу-Курпечъ, развязалъ Кудара и отпустилъ его на всѣ четыре стороны, обѣщая, съ своей стороны, не только забыть все зло, но быть съ этого времени добрымъ другомъ Кудару, если только онъ сдержитъ слово и откажется отъ Баянъ-Слу. Козу-Курпечъ возвратилъ даже Кудару его коня и оружіе и разрѣшилъ ему вернуться въ аулъ Баянъ и, не опасаясь никакой вражды, продолжать жить, какъ и прежде, членомъ семьи.

VI.

Остался Кударъ-Кулъ въ аулѣ, и все пошло повидимому такъ же, какъ и раньше. Стали готовиться къ свадьбѣ Козу-Курпеча и Баянъ-Слу, но не дремалъ Кударъ, не надолго затаялъ онъ злобу въ сердцѣ, и, какъ только оправился, сталъ придумывать, какъ бы извести Козу-Курпеча и завладѣть его невѣстой.

Прежде всего постарался онъ склонить на свою сторону старую тетку Баянъ-Слу, сестру покойнаго Сары-бая, а при ея содѣйствіи ему удалось заручиться союзниками и среди другихъ родственниковъ Баянъ, изъ которыхъ однихъ онъ обольстил лаской и обѣщаніями, а другихъ — золотомъ и подарками. Такимъ образомъ болѣе половины родственниковъ вступили въ соглашеніе съ Кударъ-Куломъ и обѣщали ему свою помощь противъ Козу-Курпеча. Заручившись союзниками, Кударъ опять сталъ развѣзжать по ауламъ на своемъ Кара-бакѣ и громко кричать, что онъ не допуститъ свадьбы, что теперь онъ не поддастся Козу-Курпечу, а можетъ даже голову его доставить въ аулъ на пикѣ.

Прождала объ этомъ Баянъ-Слу и скоро убѣдилась, что почти вся родня готова препятствовать ея свадьбѣ съ Козу-Курпечемъ. Нужно было придумать что-либо и не допустить схватки между Козу-Курпечемъ и Кударомъ, такъ какъ эта схватка могла окончиться общей ссорой и дракой между всѣми родственниками, большинство же родни было на сторонѣ Кудара, а потому и побѣда могла легко оказаться на его же сторонѣ. Между тѣмъ Козу-Курпечъ, узнавъ о замыслахъ Кудара, сталъ готовиться еще разъ помѣряться съ нимъ силой и давалъ клятву на этотъ разъ не пощадить его. Собравъ около себя горсть преданныхъ джигитовъ, Козу-Курпечъ въ гнѣвѣ грозилъ перебить всѣхъ сторонниковъ Кударъ-Кула, и только ласками и поцѣлуями удалось Баянъ-Слу укротить гнѣвъ своего друга и упросить его не затѣвать междоусобнаго побоища. Баянъ уговорила Козу-Курпеча удалиться на короткое время въ уединенное мѣсто Чокъ-Терекъ около озера Балхаша, сама же рѣшила объявить роднѣ, что женихъ ея уѣхалъ домой, и затѣмъ тотчасъ же отдать распоряженіе о перекочевкѣ на новое мѣсто, въ ту сторону, гдѣ находились родственники Козу-Курпеча. Баянъ-Слу надѣялась, что тѣ изъ родственниковъ, которые стали во враждебное къ ней отношеніе, не пойдутъ съ ней вмѣстѣ, и она уйдетъ такимъ образомъ только съ друзьями, а тогда Козу-Курпечъ могъ смѣло явиться къ ней, не опасаясь Кудара, который, оставшись безъ союзниковъ, смирится и покорится своей участи.

Послѣ долгихъ колебаній, Козу-Курпечъ согласился наконецъ на предложеніе Баянъ-Слу и удалился на Чокъ-Терекъ, а Баянъ, объявивъ объ отъѣздѣ жениха, отдала распоряженіе о перекочевкѣ и велѣла собирать и тюковать свое имущество. Предположеніе ея, видимо, оправдывалось; раздоры прекратились, сторонники Кудара, разсорившіеся съ Баянъ, отказались слѣдовать за ней и порѣшили остаться на

прежнемъ мѣстѣ, самъ же Кударъ заявилъ, что уѣдетъ къ своимъ калмыкамъ и останется тамъ навсегда.

Одна только старая тетка Баянъ-Слу не повѣрила племянницѣ и подозрѣвала, что Козу-Курпечъ гдѣ-нибудь скрывается по близости.

День и ночь она стерегла Баянъ, ложилась спать въ одной съ ней юртѣ и все наблюдала, не получить ли Баянъ-Слу какихъ-либо вѣстей отъ своего жениха.

И замѣтила тетка, что каждый день, на утренней зарѣ, Баянъ тихо поднималась съ постели, раздвигала войлоки юрты, и въ отверстіе влеталъ скворецъ, садился дѣвушка на плечо и какъ будто бы что-то шептала ей на ухо.

«Это вѣстникъ Козу-Курпеча», — подумала старая женщина, и рѣшилась поймать скворца и узнать отъ него правду. И вотъ, за день до предполагаемаго выступления въ путь на новое мѣсто, старуха поднялась утромъ раньше Баянъ, подошла къ замѣченному мѣсту, раздвинула войлоки и подставила къ отверстію свой рукавъ. Не ожидая западни, скворецъ влетѣлъ въ рукавъ, а старуха, захвативъ его, тотчасъ же удалась къ себѣ. Тамъ она стала допытываться у птички, гдѣ скрывается Козу-Курпечъ, но скворецъ упорно молчалъ; тогда злая старуха стала пытать его, вырывая у живого перья, и теребила до тѣхъ поръ, пока не оголила спинку и крылья, стараясь при этомъ ухватить и кожу; но скворецъ, несмотря на муки, все молчалъ и не хотѣлъ отвѣчать на ея вопросы. Наконецъ скворецъ не выдержалъ, сказалъ только: «Чокъ-Терекъ» и съ этимъ словомъ умеръ.

Чтобы скрыть слѣды преступленія, старая тетка Баянъ зажирила скворца и съѣла его, а потомъ, призвавъ Кударъ-Кула, рассказала ему обо всемъ. Послѣ нѣкотораго размышленія оба союзника рѣшили, что Козу-Курпечъ долженъ, по нидимому, скрываться въ урочищѣ Чокъ-Терекъ, а потому Кударъ долженъ былъ

тотчасъ же отправиться на это мѣсто и постараться захватить Козу-Курпеча внезапно.

Въ то же утро Кударь-Кула, пригласивъ бывшихъ съ нимъ въ союзъ родственниковъ Баянъ, поѣхалъ въ Чокъ-Терекъ. День былъ жаркій, и Козу-Курпечъ въ ожиданіи вѣстника отъ невѣсты, безопасно заснулъ въ тѣни тополя *). Заслышавъ приближавшійся топотъ, Козу-Курпечъ проснулся и съ недоумѣніемъ увидѣлъ толпу ѣхавшихъ къ нему всадниковъ, между которыми призналъ Кударь-Кула.

Вскочивъ на ноги, Козу-Курпечъ схватилъ лукъ и стрѣлы и приготовился защищаться, но одинъ изъ родственниковъ крикнулъ ему, что Кударь пріѣхалъ мириться и проститься, такъ какъ намѣренъ откочевать въ свои края за хребетъ Ала-тау.

— Если Кударь уѣзжаетъ, то не можетъ быть и рѣчи о какой-либо враждѣ между нами, — сказалъ Козу-Курпечъ: — я не помню зла и готовъ считать Кудара своимъ другомъ. Съ этими словами Козу-Курпечъ положилъ на землю лукъ и стрѣлы и пошелъ навстрѣчу прибывшимъ.

Но въ это время Кударь-Кула, скрываясь за спиною всадниковъ, незамѣтно натянулъ свой лукъ и пустилъ напуганную ядомъ стрѣлу, которая до половины впиалась въ грудь Козу-Курпеча. Онъ упалъ, обливаясь кровью.

VII.

Въ тотъ же день Баянъ-Слу, напрасно прождавъ скворца и томимая безотчетной тоской, собрала подругъ своихъ и, подъ предлогомъ осмотра мѣста для новой стоянки, выѣхала съ ними на Чокъ-Терекъ навѣстить жениха. Не дожидаясь половины пути до Чокъ-Терека, дѣвушка встрѣтила группу всадниковъ, впереди которой ѣхалъ на ворономъ конѣ Кударь-Кула, что-то

*) Терекъ, значить, тополь, чокъ-терекъ — одинокое тополевое дерево.

высоко поднявъ на пикѣ. Поровнявшись съ Баянъ-Слу, Кударь быстро встряхнулъ и опустилъ пикъ, и голова Козу-Курпеча упала на пыльную дорогу къ ногамъ коня, на которомъ ѣхала Баянъ. Ни слова не вымолвивъ, Кударь-Кула поѣхалъ дальше.

Съ воплемъ упала Баянъ-Слу на землю и долго лежала такъ надъ головой возлюбленного, потомъ она встала, и приказавъ подругамъ возвратиться домой, отправилась одна въ Чокъ-Терекъ, разыскать тѣло Козу-Курпеча и умереть тамъ же, гдѣ кончилъ жизнь милый женихъ. Найдя тѣло, она вынула изъ груди его стрѣлу, приложила къ плечамъ отрѣзанную голову и, склонившись у трупа, стала, рыдая, молиться и просить Бога оживить ея жениха хотя на короткое время, чтобы проститься съ нимъ. Долго такъ молилась она, не поднимая лица отъ дорогого трупа, и вдругъ почудилось ей, что кто-то стоитъ передъ ней. Поднявъ глаза, она увидѣла какого-то старика, который ласково спросилъ ее:

— О чемъ такъ горько плачешь, красавица?

— Ахъ, какъ мнѣ не плакать, бабай: я потеряла любимого жениха, убитого вѣроломной рукой и вотъ, въ отчаяніи, что не успѣла даже проститься съ нимъ, я прошу у Бога милости подарить мнѣ снова жизнь его хотя на три дня.

— Мало просишь, красавица, проси три года.

— Не нужно мнѣ трехъ лѣтъ, я хочу умереть вмѣстѣ съ нимъ.

— Ну, проси хотя три мѣсяца.

— Не нужно трехъ мѣсяцевъ, довольно мнѣ и трехъ дней.

— Ну, пусть будетъ по-твоему, — сказалъ старецъ и въ ту же минуту исчезъ, а Баянъ, радостная и умиленная, увидѣла вдругъ, какъ голова Козу-Курпеча приросла къ плечамъ, глаза открылись, онъ вздохнулъ, приподнялся и сѣлъ.

Три дня и три ночи прожили неразлучно женихъ съ невѣстой. Козу-Курпечъ рассказалъ ей о вѣроломствѣ Кудара и

взявъ слово съ Баянь-Слу отомстить за его смерть, и Баянь поклялась исполнить его желаніе и, совершивъ месть, умереть и лечь въ одну могилу съ своимъ женихомъ. Въ концѣ третьяго дня Козу-Курпечъ, почуявъ близость смерти, крѣпко обнялъ свою подругу и скончался въ ея объятіяхъ.

По смерти Козу-Курпеча, Баянь-Слу возвратилась домой и, собравъ всю родню и весь народъ, объявила, что женихъ ея умеръ, что никакимъ ссорамъ и распрямъ теперь нѣтъ мѣста и что она готова выйти немедленно замужъ за Кударь-Кула, только просила дать ей время похоронить Козу-Курпеча и справить по немъ поминки. Обрадованный Кударь-Куль теперь опять былъ готовъ на все, что потребуетъ отъ него Баянь. Поэтому онъ согласился не только снова принять на себя все управление хозяйствомъ ея, но и заняться устройствомъ похоронъ и поминокъ.

Баянь-Слу приказала ему приготовить для поминальнаго обѣда (асъ) «сорокъ верблюдавъ безъ верблюжать, сорокъ кобылъ безъ жеребятъ, сорокъ коровъ безъ телятъ и сорокъ овецъ безъ ягнятъ» и пригнать весь этотъ скотъ къ назначенному для похоронъ мѣсту близъ р. Аягузъ, туда же пригласить на поминки и весь народъ. По пути къ Аягузу, Кударь долженъ остановиться у колодца въ степи и ожидать тамъ пріѣзда Баянь съ тѣломъ Козу-Курпеча.

Сама Баянь-Слу тѣмъ временемъ въ сопровожденіи женщинъ, дѣвушекъ и огромной толпы народа отправилась въ Чокъ-Терекъ, гдѣ тѣло умершаго Козу-Курпеча обрядили для похоронъ, задрѣлавъ его въ тонкіе войлоки и дорогіе ковры, такъ, чтобы трупъ могъ нѣсколько дней лежать подъ открытымъ небомъ, пока готовится могила. Затѣмъ, навьючивъ тѣло на верблюда, весь похоронный поѣздъ двинулся къ мѣсту погребенія.

По пріѣздѣ къ колодцу, гдѣ дожидался Кударь-Куль, Баянь-Слу притворилась больной и объявила, что не можетъ слѣдовать дальше до выздоровленія, а вы-

здоровленіе она получить только тогда, когда кто-либо изъ молодыхъ джигитовъ рѣшится спуститься въ глубокій колодець и достать для нея воды своей шапкой. А такъ какъ колодець былъ очень глубоокъ, то, вмѣсто веревки, спускающійся долженъ былъ воспользоваться косою Баянь-Слу, которая была надставлена шелкомъ и такъ длинна, что хватала до самаго дна колодца.

— Кто спустится, за того мнѣ суждено выйти замужъ,—прибавила въ заключение Баянь, очевидно желая поручить это дѣло Кудару.

Не задумываясь ни минуты, Кударь вызвался исполнить желаніе красавицы и, ухватившись за ея косу, сталъ спускаться въ колодець. Но едва лишь онъ опустился до дна, какъ Баянь ударомъ ножа обрѣзала свою косу, и Кударь-Куль упалъ на дно. Принимая все это за шутку, Кударь, набравъ воды, сталъ кричать, чтобы его подняли и, обращаясь къ Баянь, которая, склонившись, смотрѣла на него, сказалъ съ улыбкой:

— Твоя шутка очень бы мнѣ понравилась, но только не въ такомъ тѣсномъ мѣстѣ: здѣсь такъ темно и холодно!

— Эта шутка,—отвѣтила Баянь:—похожа на ту, которую ты сыгралъ съ моимъ женихомъ. Сиди же теперь здѣсь и моли Бога, чтобы смерть пришла за тобой поскорѣе.

Съ этими словами Баянь-Слу отошла отъ колодца и приказала закидать отверстие лѣсомъ, а сверху навалить камня и насыпать могильный курганъ.

VIII.

Покончивъ такимъ образомъ съ Кударь-Куломъ, Баянь-Слу предетояло теперь сдѣлать могилу Козу-Курпечу и въ этой могилѣ умереть рядомъ съ его трупомъ.

Отойдя къ Аягузу, Баянь выбрала возвышенное мѣсто и велѣла копать могилу и заготовлять матеріалъ для памятника. Въ это время, недалеко отъ ихъ стана, расположился на ночлегъ громадный ку-

печескій караванъ, шедшій къ туркменамъ. Хозяинъ каравана, онъ же и начальникъ его (караванъ-баша), замѣтивъ вблизи стеченіе народа, отправился посмотрѣть что это такое, и тутъ увидѣлъ Баянъ-Слу. Красота ея до того поразила караванъ-башу, что онъ цѣлую ночь не могъ послѣ того уснуть, а утромъ послалъ къ Баянъ посольство съ предложеніемъ выйти за него замужъ. Въ казымъ *) за невѣсту, караванъ-баша предложилъ все богатство, какое заключалось въ караванѣ, если же красавица и на это будетъ несогласна, то начальникъ каравана приказалъ объявить ей, что онъ безъ нея не уйдетъ съ мѣста и въ крайности готовъ овладѣть ею силой. Крѣпко опечалилась Баянъ-Слу, получивъ это предложеніе. Еще разъ предстояло ей отдѣлаться отъ назойливаго предложенія и именно въ то время, когда она уже мысленно простилась съ жизнью и готовилась умереть. Чтобы не вызвать своимъ отказомъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны могущественнаго караванъ-баши, Баянъ рѣшилась пригласить его къ себѣ и лично переговорить съ нимъ.

Когда купецъ прибылъ, Баянъ-Слу приняла его съ почетомъ, угостила изъ собственныхъ рукъ и на предложеніе объявила, что согласна была бы выйти за него замужъ, но не теперь, а тогда, когда покончить съ постройкой памятника. Эта постройка должна затянуться надолго, а потому Баянъ просила караванъ-башу, не мѣшкая, ѣхать своимъ путемъ и отложить свадьбу до обратнаго возвращенія.

Очарованный ея красотой и любезностью, караванъ-баша, чтобы ускорить время брака, предложилъ постройку памятника принять на себя.

— У меня нѣсколько тысячъ народа, — сказалъ онъ: — и я все сдѣлаю въ короткое время, укажи только, гдѣ и какой величины поставить памятникъ.

*) Казымъ — плата за невѣсту, вносимая женихомъ или его родителями.

Баянъ отвела его на мѣсто, гдѣ была уже выкопана яма, очертила палкой основаніе памятника, а для указанія высоты его сняла и бросила вверхъ свою дорожную дѣвичью шапку.

Въ тотъ же день караванъ-баша, собравъ весь свой народъ, приступилъ къ работѣ.

Отъ горъ Арганактинскихъ до Аягуза (около 150 верстъ) онъ поставилъ цѣпь людей на такомъ разстояніи одинъ отъ другого, чтобы камень для кладки памятника, добываемый изъ горъ и обдѣланный мастерами, могъ быть передаваемъ изъ рукъ въ руки до самой могилы, гдѣ другіе мастера укладывали его въ стѣны. Въ очень скоромъ времени памятникъ былъ готовъ, Баянъ осмотрѣла его и осталась довольна. Тѣло Козу-Курпечы внесли въ открытую дверь памятника и опустили въ яму; весь приведенный скотъ былъ заколотъ, и начался поминальный обѣдъ (асъ). Сама Баянъ-Слу разодѣлась въ дорогія одежды и лично угощала гостей. Вся молодежь, очарованная красотой хозяйки, потеряла голову, и каждый готовъ былъ по желанію красавицы идти и дѣлать все, что она захочетъ. Когда начались обычные игры и состязанія на призы, капризная красавица вдругъ объявила, что она сейчасъ же пойдетъ замужъ за того, кто, взобравшись на самую вершину памятника, спрыгнетъ оттуда внизъ. Охотниковъ оказалось великое множество, и самъ караванъ-баша, окончательно потерявшій власть надъ своими подчиненными, погнѣвъ изъ первыхъ, пытаясь выполнить предложенное состязаніе.

Когда всѣ претенденты на руку Баянъ-Слу погибли, она собрала родственниковъ, раздѣлила между ними все свое несмѣтное богатство и завѣщала похоронить ее въ одной могилѣ съ Козу-Курпечемъ. Послѣ этого она вошла въ дверь могилы, спустилась въ яму, гдѣ лежало тѣло, и кинжаломъ, который носила у пояса, ударила себя въ грудь съ такою силою, что сразу скончалась.